АНАТОЛИЙ АГАРКОВ

Лорды с Болотен-стрит

РЕГБИ – ИГРА
ХУЛИГАНОВ, В КОТОРУЮ ИГРАЮТ
ДЖЕНТЛЬМЕНЫ;

ФУТБОЛ –
ИГРА ДЖЕНТЛЬМЕНОВ, В КОТОРУЮ
ИГРАЮТ ХУЛИГАНЫ.

Анатолий Агарков

Лорды с Болотен-стрит

«Издательские решения»

Агарков А.

Лорды с Болотен-стрит / А. Агарков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905371-8

Только не говорите, что Вы все знаете про футбол. Нет, Вы не все знаете про футбол! А знаете ли Вы, что настоящий экстрасенс из любого мальчишки в пять минут сделает настоящего футболиста? Уж поверьте на слово, коль не видели…

ISBN 978-5-44-905371-8

© Агарков А.
© Издательские решения

Содержание

1 6
2 12
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Лорды с Болотен-стрит

Анатолий Агарков

Регби – игра хулиганов, в которую играют джентльмены
футбол – игра джентльменов, в которую играют хулиганы.
(английское изречение)

© Анатолий Агарков, 2018

ISBN 978-5-4490-5371-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Мяч не давался – скользил вертлявой ящерицей меж ног ребячьих, падал и путался в высокой траве, вновь вздымался, но никак не хотел лететь, куда его посылали.

– Пас! Пас! – будоражили истошные крики.

Наконец, трёхклинка вырвалась из толчеи и сбила горкой сложенные кепки и майки.

– Гол!

– Штанга!

– А я говорю – гол!

– На-ка выкуси!

– Кому по сопатке? – Вася Добров, чьё право на гол оспаривали соперники, выпятил худую и потную грудь.

Всегда спокойный и рассудительный Сергей Ческидов демонстративно высморкался ему под ноги:

– Вот твой гол, поднимешь – засчитаем.

– Что? – Вася взбешён. – Я тебя, Тыква…

Он набычился и готов был ринуться на обидчика, но Андрей Шиляев прицыкнул на него, и Добрик скуксился. Ческид побежал за мячом, а к Васе подошёл Серёга Колыбельников:

– Тебе за Тыкву старший Чесян знаешь, что сделает?

Он покрутил у виска пальцем.

– Грушу он из тебя сделает и в сарае, как Слава Ломовцев, подвесит.

Добрик, совсем уже остывший:

– Да был гол-то…

Спор продолжился, и каждая сторона оспаривала своё мнение, не поддаваясь ни на какие доводы. Так и не пришли ни к какому мнению – устали спорить, играть тоже расхотелось. Уселись в траву, и Вася Добрик, ковыряя болячки на ногах, обиженно ворчал:

– Были б штанги.… А так, хрипеть – ни о чём. Да и играть-то не интересно. Коротышка в калитке – все удары выше ворот. Кто громче орёт, тот и побеждает.

Боря Калмыков ехидно усмехнулся:

– Ты ещё скажи – разметка, сетка и судья.

– Ну, а что пузырь-то гонять зазря. Команда «Лишь бы пнуть» из колхоза «Светлый путь». Если заниматься футболом, то всерьез. Поле как поле оборудовать, чтоб гостей пригласить, и не стыдно было.

Град насмешек и ехидных замечаний посыпался со всех сторон.

– Хочу сказать, – Миша Мамаев, опёрся на руки за спиной, широко раскинув босые ноги.

– Говори, только короче.

– Тут и говорить много не надо – притащить из леса соснины да поставить ворота.

Шиляев, сердито прищурясь:

– Лесник тебе притащит, пожалуй, так притащит, что нечем будет в футбол играть. Орёлик!

Я за Мишку всегда горой:

– А если попросить? Неужто не даст? Могу даже в райком комсомола сходить, попрошу там специальную бумажку для лесника. Для хорошего же дела – для молодёжи, для спорта. Райком его за нас может так вздрючить, что он не обрадуется. В барсучьей норе рад будет скрыться.

Моя мысль всем понравилась, а Шиляеву нет.

– Забавник же ты, Агарыч – в райком. Там тебе скажут, ходи на стадион гимнастикой заниматься.

– Или лыжами, – буркнул Боря Калмыков.

– Или лыжами, – согласился Андрей.

– А я скажу, хочу в футбол играть, – настаивал я.

Но Андрей и внимания не обратил на мои слова.

– Лесник с твоей бумажкой под куст сходит и рад будет – воры сами сдаваться пришли. Он тебя в тюрягу сдаст и грамоту получит.

В тюрягу никто не хотел, и все приуныли. Кроме Шиляева.

– Нет уж, если тащить сосёнки на ворота, то уволоком. Лес большой – лесник один. Глядишь, проскочим. Ну, а попадёмся, то можно и в морду.

Он сжал крепкий кулак:

– В лесу закон – черпак, лопата. Кто смел – тот и съел. Короче, что нам толпой одного лесника бояться? А, парни?

Сашка Ломовцев сидел понурясь и думал крепкую думу. Ещё со дня первого удара по мячу ему, жадному до славы, пришла в голову шальная мысль – сделать настоящую футбольную карьеру, как Пеле, как Гарринча, как любимый Воронин, как Эдик Стрельцов. Поначалу он сам испугался затеи: это ж, сколько надо пота пролить, чтобы достичь такого мастерства, выбиться в более-менее известную команду, и далее – в столицу, за границу – к мировой славе. Но, играя много лучше своих сверстников, он всё более убеждал себя, что пот это для бездарей, настоящему мастеру должно везти в игре. Себя-то он считал везунчиком. Он так уверился в своей удаче и великой будущей карьере, что каждый день встречал с надеждою, а провожал в унынии – да где ж она, слава-то мировая.

Сашка не слушал спорщиков. Он думал, думал и вдруг поднялся. Выждал время, пока утихнут разговоры, и все уставятся на него в ожидании важного заявления.

– И подумал я, – без лишних слов объявил Ломян. – Нам надо жить и тренироваться по режиму – только тогда будет толк. Чтобы утром все, как один, на пробежку, потом с мячом работать, физикой заниматься – бегать, прыгать, силёнку качать. Потом игра и её разбор. Тактика игры – тоже великая вещь. Если это соблюдать изо дня в день – толк будет.

Сашка говорил не спеша, со знанием дела. Видно было, что он упивался не только сутью излагаемого, но и собственным голосом.

– И поле тоже нужно хорошее, раз уж мы команду создаём – ворота с сетками, разметка, скамейки для зрителей.

– Душ, раздевалка, туалет, – оперным дискантом пропел Серёга Колыбеля.

– Со временем, – сказал Ломян и постучал себя пальцем по виску. – Чать, голова моя не только кепку носит, но и мыслишки кой-какие… Может, сначала и не все будут соблюдать режим, ходить на тренировки, а как начнём играть с серьёзными командами – все прибегут, как миленькие. Без физики и техники в футболе делать нечего.

Вовка Грицай крепко постучал себя в грудь кулаком:

– А что? Мы в пионерском лагере каждое утро на зарядку бегали. Здоровье, знаете как, укрепляется.

Многие ребята с глубоким вниманием слушали Сашкино предложение. Иные, постарше и не без претензий на лидерство, скептически ухмылялись, подозревая, что Ломян как будто перехитрил их – на кривой кобыле объехал. Добрик, пристроившись позади Серёги Ческидова, исподтишка плевал ему на майку, вешая харчок за харчком, изнывая от того, что никто не замечает его подлой храбрости.

Сергей Колыбельников повернулся набок, подложил грязную ладонь под грязную щёку:

– А и тоска же с вами.

Запел:

– Мама, я Ломана люблю,

Мама, за Ломана пойду

Ломан хорошо играет, много «банок» забивает

Вот за это я его люблю.

А дни стояли звонкие, как монисты. Первые дни летних каникул. Солнечные лучи в прозрачном воздухе играли, словно кровь у застоявшегося в стайке телёнка. Вечера были тихие, зорькие, а ночи короткие, спаявшие закатные багрянцы с рассветной радуницей.

Если мне удавалось бодрствовать в час солнечного восхода, душа наполнялась таким несказанным счастьем, будто открывались разом все сокровенные тайны мира. Так бы всегда, во все времена просыпаться вместе с первым лучом солнца и последней ночной песней соловья, слушать вздохи трав и шорох листвы, освобождающихся от брильянтовой росы, полной грудью пить влажный ароматный воздух сада. А ещё бежать легко, крылато нестись над землёй, будя её, опережая солнечные лучи. Красота! Но…

Но и мама встаёт рано.

– Ты куда такую рань? А вот и хорошо, что встал – корову в табун угонишь.

Ну, начинается. Корову угони, грядки полей, картошку прополи.… Как эти взрослые не могут понять, что у нас родилась команда, что мысли и мечты о будущей футбольной славе гонят нас из тёплых постелей. Под силу гору свернуть, а тут – корова…

Мать поставила на крыльцо почти полный подойник и открыла калитку. Я сунул два пальца в рот, и разбойничий свист сорвал Белянку с места в галоп.

Мать схватилась за голову:

– Тебе сколько лет? В кого ты уродился? Позорище моё!

Но её «позорище» уже скакал на одной ноге вслед за рогатой блондинкой.

У околицы школьный учитель Фёдор Иванович Матреев провожал в табун своих коз. Потрепал меня мягкими пальцами единственной руки по щеке:

– Ишь, румянец полыхает – как кумач революции. Куда ты в такую рань?

– В лес пойдём за штангами. Мы теперь команда и скоро поедем в Бразилию играть.

Я говорил и ничуть не сомневался, что так и будет. Ведь главное понять, что тебе надо, а как этого достичь – дело второе. Не зря ведь говорится – терпение и труд всё перетрут. Мы будем вставать чуть свет, бегать и прыгать, подтягиваться и отжиматься, работать с мячом, играть в футбол – и сам Пеле пришлёт телеграмму: приезжайте, мол, охота посмотреть да и поиграть тоже. И вот на стадионе «Сантос»….

Фёдор Иванович недоверчиво хмыкнул, но на всякий случай попросил:

– Будешь в Бразилии, прихвати мне натурального кофе, чтоб без цикория…

Утро разгоралось яркое и тёплое и обещало погожий день. У дальней кромки горизонта чуть трепетали прозрачные, нежно-розовые облака. Ласковое солнце, проникнутые мирным покоем дали, пряное дыхание трав заряжали нас бодростью и безотчётной радостью жизни.

А вот явочка подвела. Договорились тронуться с табуном, но он уже за холмами, а у нас нет и половины состава. Ждём сонь и лентяев, ругаемся – время уходит, и каждый отсроченный час увеличивает вероятность встречи с лесником. От этого настроение падает. Арифметика проста – шесть лесин несут двенадцать человек, а нас с десяток не наберётся. Наконец, решаем, надо идти – ждать далее нет смысла.

Пока шли полем, ещё несколько опоздавших догнали толпу. Теперь людей хватает, но время упущено и настроения нет.

Нелюдима была опушка. А что творится в сердце тёмного бора, того не знают даже сороки, охочие во всё вникать да проведывать. Но лишь только вошли под сень, ожил лес.

Заговорили птицы, наперебой сообщавшие друг другу и всей округе:

– Воры, воры, идут…

– Щас попадутся! – разразилась сойка заливчатым смехом.

И дятел азбукой Морзе передал:

– Точка, точка, тире… точка, точка.… Идут, идут, хватайте.

Тоскливыми трелями плакала малиновка:

– Ох, посадят.… Ох, и много же дадут…

Мы стремились уйти поглубже в чащу, не заботясь о том, что и тащить свой преступный груз придётся дальше. Бор сменился рощей. Бесшумно струилась листва в солнечных лучах. Окружающий мир здесь был так не похож на раздолье поля и домашний уют, что, казалось, зашли в такую глушь, куда кроме нас никогда не проникала и впредь не проникнет ни одна живая душа.

И вот опять молодой сосняк. Сонный паучок на тонкой паутинке свесился с изумрудной иголки.

– Руби, чего же ты! – оттолкнул меня Вовка Грицай.

Солнечный блик сверкнул на блестящем жале топора. Озноб пробежал у меня по спине. То ли это был остаток страха, то ли жалость к сосёнке.

– Постой, не надо.

– Отстань!

Топор ухнул. Сосёнка вздрогнула. Убийство совершилось. Я присел, угнетённый горем. Весело и бесшабашно плясал топор в руках у Вовки, быстро, одна за другой отлетали ветви упавшего дерева.

Вдруг всё смолкло – пение птиц, перестук топоров, ребячий гомон – раздавался только приближающийся издалека грохот телеги. Весь лес наполнился страшным громыханием деревянной повозки по ухабистой лесной дороге. Её тащила ископаемая кляча, огромная лохматая собака путалась у неё под ногами.

Когда телега перестала громыхать, она остановилась как раз в метрах десяти от меня, и я сумел хорошо разглядеть её ездока. У него было широкое лицо, мясистое, красное, похожее на бульдога. Оно имело только одно достоинство – было гладко выбрито. До тех пор, пока человек бреется, печать зверя не прилипнет к его лицу. И к тому же форменная фуражка покоилась на макушке.

Напряжённое молчание воцарилось среди нашей команды, молчание, которое вяжет язык, а мысли легко передаются и читаются одними глазами. Казалось, это неожиданное явление напрочь лишило нас всяческих сил. Наверное, со стороны наша растерянность выглядела жалкой. Но лесник жалости не знал.

Краска постепенно сбежала с бульдожьего лица, покрывшегося пепельно-серой, мертвенной бледностью. Не обращая внимания на яркую игру солнечных бликов, волнующуюся листву деревьев и запахи цветов, весь осатаневший, в сдвинутой на затылок фуражке, взлохмаченный, он сжал кулаки и остервенело затряс ими над головой. От переполняющей ярости он и словами не сразу разродился.

– Порубщики! Туды вашу мать! – что было сил заорал лесник, схватил кнут, замахнулся и щёлкнул им почти над моей головой.

У меня от страха и предчувствия боли подогнулись колени. Бежать и не помышлял, а приготовился к худшему. Но дальше случилось то, что и предположить было невозможно. Кляча рванулась, испугавшись кнута, и понеслась вскачь, не разбирая дороги. Лесник кувыркнулся через голову и, потеряв вожжи, чудом не упал с телеги.

– Уззы! Уззы их! – успел крикнуть он, сорвав голос.

Собака бросилась на ошалевшую лошадь и погнала прочь. Её лай, и грохот колымаги вскоре затихли вдали. Среди порубщиков прокатился лёгкий смешок. Ещё раз. А потом дружный многоголосый и отчаянный хохот взорвал лес.

Это было здорово! Оцепенение спало, испуг ушёл или переродился в истерику. Я, например, катался на спине, схватив руками впалый живот. Ни звука не прорывалось сквозь сведённые судорогой челюсти. Я едва успевал набивать воздухом лёгкие, а куда он пропадал, одному

чёрту известно. Слёзы текли по щекам. Курьез, да и только. Впору лесника жалеть с его клячей. Кому рассказать – не поверят.

Однако пора и двигаться. Водрузив будущие штанги на плечи, мы тронулись в обратный путь.

Судьба, словно лавина, несётся вниз, увеличивая скорость движения с каждым новым поступкам. Только что я избежал неприятного знакомства с лесниковым кнутом – до сих пор плечи зудятся – а уже новая преграда на пути. Канал, наполненный водой, заросшей ряской. Ребята бросили лесину с берега на берег и судачат – другую рядом надо. Ещё балансир нужен, как канатоходцу в цирке. А меня чёрт несёт вперёд, к неприятностям и позору.

– Чего стали? Сюда смотрите. Смертельный номер.

До середины бревна я добежал легко, как заправский гимнаст, а потом вдруг остановился, будто наткнувшись на смертельную черту. Далее я двигался так, словно утратил способность владеть своим телом, а под ногами видел не близкую воду, а бездонную пропасть. Побалансировав руками, упал, обдав брызгами развеселившихся ребят. Никто не решился повторить мой глупый подвиг.

Когда вылез на другой берег, вид имел жалкий и удручающий. Человек, дошедший до такой степени унижения, обычно стремится удрать со всех ног подальше от места своего позора, от насмешек толпы. Может, в другой раз я так бы и поступил, не будь с нами штанг – этого ответственного груза, который во что бы то ни стало, необходимо доставить до места.

А, ну их – пусть смеются. Стал выжимать свою одежду. Им-то ещё предстоит перебраться на этот берег – и я посмотрю, как у них это получится.

Полдень, как и утро, заслуживал всяческих похвал. Дул лёгкий ветерок. Суслики столбиками стояли у своих нор и насмешливо пересвистывались:

– Куда прёте, дурачьё!

Трясогузка пристала у дороги, скакала по стволам, чуть не по головам (руки заняты, прогнать) и разорялась:

– Ведь не ваше! Ведь не ваше!

Наше, дура! Теперь наше – мы столько выстрадали ради этих штанг, ради футбола, ради нашей большой мечты. Однако, что толку с ней спорить – дороге не видно конца, мучили и голод, и жажда, натёрли плечи эти проклятые лесины.

Шли полем, виден стал посёлок, но силы были на исходе. Перекуры стали чаще, пройденные отрезки всё короче.

Валерке Журавлёву толстый комель достался. Он пыхтит и отдувается, его румяная физиономия сочится потом. Я иду впереди с тонким концом сосны на плече.

– Не плохо бы дождичка, а Валер?

– Лучше селёдочки с луком и молоком.

Валерка всё на свете ест с молоком, потому он такой толстый, и зовут его Халва.

– Не трави душу, гад.

– Слушай, если нас не покормить несколько дней, я только похудею, а ты-то, наверняка, сдохнешь.

– С чего бы это?

– У меня жирок с запасом, а у тебя кожа да кости.

– Если голодать придётся всей команде, – парирую я, – тебя первого съедят.

Валерка замолчал, а я подумал, что он подозрительно начал поглядывать на остальных – готовы ли те к людоедству или ещё потерпят немного.

За такими пустыми разговорами нудно тянулось время. Мы несли штанги по двое, и ещё двое отдыхали, впрягаясь в ношу после очередного перекура. И вдруг бунт. Отдохнувший Сашка Ломовцев отказался нести сосёнку.

– Боливар выдохся, и бревна ему не снести, – объявил он, мрачно глядя меж своих коленок. Плечи его сгорбила тяжёлая давящая тоска. Было ясно, что никакая сила на свете не заставит его подняться и взвалить на себя шершавый комель.

– Ну-ка, дай мне руку, – подошёл к нему Андрей Шиляев. – Я сначала её жму, а потом бью в торец, потому что терпеть не могу жать пятерню покойнику.

Сашка не испугался, лишь проворчал глухо:

– Бросьте меня здесь. А мамке скажите, чтоб пришла за мной с тележкой – сам не дойду.

– Ты дурак, мастер, – сказал его напарник Серёжка Колыбельников. – Столько протащиться и бросить сейчас, у самого дома.… Не понесёшь – мы тебя из команды того, выгоним.

Сашка упал на спину, заложив руки за голову, с тоскою глядя в небеса:

– Да хоть запинайте до смерти – дальше ни шагу…

– И не хочется, и жалко, да нельзя упускать такой случай, – сказал Колыбеля и стал кидаться в строптивого Ломяна сосновыми шишками, припасенными для младшего брата.

– Дать ему в хайло что ли? – сам себя спросил Шиляй, пожал плечами и отошёл.

Мы взвалили на плечи ненавистную ношу и, шатаясь, побрели дальше.

Оставшийся без пары и отдохнувший Колыбеля суетился:

– Не хотите ли порубать, мужики? Нет, правда, я сбегаю. Вон магазин-то, ближе, чем поле. Вы пока шлёпаете, я вафлей принесу, целый кило, у меня деньги есть.

И он побежал (откуда силы взялись?).

– Один хитрей другого – вот команда подобралась, – сказал Мишка Мамаев.

– Да какой он хитрец, дурак законченный, – я про Ломяна.

– А вафли это хорошо. Я их страсть как люблю.

– Голод, если книжки почитать, самое частое на Руси стихийное бедствие.

– А еда – самое главное, что есть на свете.

– Во базар, а… Больше не о чем поговорить что ли?

– В пустынях миражи – ну, пальмы там, озёра. Братцы, никто колбасу впереди не видит?

– Вон то облачко похоже на куриную ножку.

– Где, где? Цапнул сам и отвали, дай товарищу куснуть…

– Кажись, котлетами пахнет. Точно, где-то котлетки жарят.

Все зашмыгали носами, принюхиваясь.

За этими разговорами кое-как дотащились до места, которое планировали под футбольное поле. Сбросив на землю ненавистную ношу, мы повалились в ласковую траву, не в силах идти домой, как того требовали тоскующие животы. Впрочем, поджидали обещанных вафлей.

– Люблю есть, люблю спать, купаться, загорать, играть в футбол.… Да мало ли чего. Одно ненавижу в жизни – таскать брёвна.

– Ты не один, Толян.

2

На месяц нас хватило. Месяц мы отзанимались усердно, как того требовал играющий тренер Сашка Ломовцев. Он вернулся в команду, как только поставили ворота и разметили поле.

Мы вставали по утрам на пробежку и чесали до самого леса. Физику качали – отжимались, катались друг на дружке, у девчонок скакалку отобрали.

Дед Калмыков подарил два столба и железяку – мы вкопали турник рядом с футбольным полем. Болтались на нём, как сосиски, пытаясь подтянуться. Но кое у кого получалось, неплохо даже.

Работали с мячом. Наша бедная трёхклинка не знала покоя с самого рассвета до темноты. И, конечно, играли, играли каждый вечер, до полного изнеможения, до грачей темноты. Поделились на равные по силам команды и пластались совершенно бескомпромиссно.

Появились болельщики. Собирались у кромки поля и стар, и мал. Борис Борисыч Калмыков ничего не смыслил в футболе, но страстно переживал за двух своих сыновей, волею судьбы попавших в соперничающие команды.

Что дальше?

А дальше предстоял нам первый официальный матч. Сестра Ломана Нина, окончив пединститут, устроилась на лето директором в пионерский лагерь «Чайка». Она и пригласила нас сыграть с их футбольной командой. И ещё пообещала накормить обедом. Это вместо приза, наверное, так как в своей победе мы не сомневались. Потому и силы не берегли, а экономили на мороженое деньги, выданные дома на проезд.

Утренний воздух был ещё влажный, но тёплый и свежий. На чистом небе плавилось яркое летнее солнце. Окрест дороги было удивительно красиво, уютно и мирно. Даже пыль в кюветах сверкала росой. Леса, меж которыми петляла дорога, манили прохладой.

Мы в полном составе (с двумя запасными) бодро вышагивали навстречу славе. Мимо проносились машины – все стремились на озеро Подборное искупаться, отдохнуть, повидаться с любимым чадом, укрепляющим здоровье в пионерском лагере. Выходной – это понятно. Пыль с каждым разом поднималась всё выше и оседала всё медленнее.

– Может, нам по парам разбиться – глядишь, кого и подвезут.

– И какая мы после этого команда, если каждый за себя?

– Кто был там, может, знает – полдороги прошли или ещё нет?

– Да нет ещё – полдороги будет в Копанцево.

– Сань, нас там покормят?

– Обещали.

– Андрюха, а после игры-то искупаемся?

– А что нам делать до вечера? Отыграем и в озеро. Праздник, народу полно.

– Зрителей будет, хоть отбавляй.

– Заметь, все против нас болеть будут – кабы не опрофаниться.

– Цыц! Такие разговоры перед игрой… Язык оторву и собакам выброшу.

– Пионеров сделаем, куда потом?

– В Англию, на чемпионат.

– Играть? Смотреть?

– До Англии доехать денег не хватит.

– Сыграем пару матчей на интерес.

– На футболе много не заработаешь. Богатым надо родиться.

– Вот в Англии лорды «пузырь» со скуки гоняют – им не надо думать, чего похавать.

– Мы тоже лорды. Чем хуже?

– Ага, лорды с Болотен-стрит.

– Далеко ещё? А может, пробежимся немножко, для разминочки, пока нет жары.

Сашка Ломовцев оглядел растянувшуюся колонну:

– Трусцой… вперёд… марш!

Мы побежали. Тут же притормозил грузовик. Из кабины:

– Эй, спортсмены, подвезти?

– Ну, конечно.

Вот ведь как бывает в жизни. Шли по дороге и оглядывались с надеждой на каждую проходящую машину. Никто не тормозил – видно, принимали нас за банду подростков, идущую на праздник затевать драки и прочие хулиганские забавы. Стоило только намекнуть, что мы спортсмены – и, пожалуйста, всенародная любовь и уважение.

Спасибо, вернём долги красивой игрой.

В кузове грузовика мигом пролетели остаток пути. Мелькнул вековой бор из мачтовых сосен, с тёмными голубовато-зелёными кронами где-то под облаками. И вот он, долгожданный берег озера, заполненный толпами народа – купающегося, загорающего, играющего в мячи, жующего, пьющего и стоящего в очереди за закусками, напитками, мороженым.

На высокой, наспех сколоченной эстраде играли музыканты. Репродукторы, как и разноцветные флажки, украшавшие каждый столб, создавали атмосферу всеобщего веселья и праздника. Озеро заманчиво сверкало солнечными бликами и манило прохладой. Жди, родное, мы скоро – сначала в лагерь пионерчиков трепать.

О наших будущих соперниках чуточку подробнее – они того стоят. Дело в том, что на берегу озера Подборное ютились два пионерских лагеря – «Восход» для сельской детворы и «Чайка», городской ребячий пансионат (если можно так выразиться). Вот эти самые «чайковцы» с мячом на «ты», потому что в городе в любом дворе – спортивная площадка, при каждом ЖЭКе – футбольный клуб.

Зелёный штакетник закончился высокими металлическими воротами с вывеской в форме спасательного круга «Пионерский лагерь „Чайка“. Добро пожаловать!»

Девушка лет двадцати в чёрной юбке, белой рубашке с алым галстуком окинула нас тревожным взглядом:

– Что вам, мальчики?

– Мы футболисты, играть приехали. Вообще-то, нас Нина Михайловна приглашала.

– Ой! – обрадовалась девушка. – Да, да, мы вас ждём. Проходите, стадион вон там. Я сейчас физрука найду.

Мы степенно прошлись усыпанной песком дорожкой, и расселись на лавках трибуны футбольного поля. Крепкий парень в спортивной форме вскоре появился и всем без исключения пожал руку. Начало вроде ничего.

Потом пришла давешняя девушка, и они заспорили. Ей не хотелось нарушать установленный порядок праздника, а он утверждал, что играть надо немедленно или поздно вечером. В пекло гонять футбол мало удовольствия для спортсменов, и для болельщиков не рай на трибунах.

Спорили они долго, горячо. Наконец, парень уступил. И нас повели обедать.

Повара звали Роза Васильевна. Характер у неё был добрый, а обед отменный – борщ, мясо с картошкой и компот. Кто хотел, просил добавки.

– Жаль, что это всего лишь обед, а не победный банкет, – посетовал Андрей Шиляев.

А Колыбеля не изменил своёму репертуару:

– Мама, Васильевну люблю.

Мама, за Васильевну пойду.

Для меня у ней найдётся всё, что ется, всё, что пьётся

Вот за это я её люблю.

Дородная повариха оглушительно хохотала, прижав пухлые ладони к высокой груди.

После сверх сытного обеда пошли купаться. Потом загорали. Лёгкий бриз – прохладный, ароматный – освежал мокрое тело. Солнечные блики играли в волнах, кругами расходящихся от купающихся и играющих в воде людей. Мы лежали в раскалённом песке. И не было сил не только играть в футбол, но и думать о нём. А может, ну его на фик? У людей-то праздник – праздник жизни.

– Пойдём, что-то покажу, – Вовка Грицай потянул за локоть.

Неподалёку нацмен, коренастый и волосатый, жарил на мангале сардельки. Вовка встал в трёх шагах и принялся смотреть на его работу хмуро и внимательно, неотвязно.

Мангальщик раз бросил беспокойный взгляд чёрных, как уголь, глаз, другой.

– Чаго тыбе, малчик? Праходы.

Мальчик и бровью не повёл. Нацмен торопливо сунул Вовке горячую сардельку, обёрнув её в капустный лист, и подтолкнул прочь, взявшись волосатой рукой за плечо.

– На. Иды, пожалста, гулай.

Вовка откусил сардельку, сунул мне:

– Хочешь?

– Куда? – я похлопал себя по тугому животу.

Вовка тоже не хотел и скормил остатки резвящемуся пёсику.

Возле нас расположилось загорать семейство – он толстый и в очках, она молодая, очень красивая, спортивная, грациозная женщина, и маленькая дочка их, которая, уронив в воду большой разноцветный мяч, тут же расплакалась. Я достал ей потерю, а она взяла меня за руку и подвела к своим.

Мама в открытом чёрном купальнике поднялась навстречу, взяла меня за подбородок, заглянула в глаза:

– А ты мне нравишься.

Я вспыхнул, отвёл взгляд и понял, что влюбился. Чтобы что-то сказать, буркнул:

– Меня Толей зовут. Мы в футбол приехали играть. В три часа на стадионе пионерлагеря. Приходите болеть.

– Обязательно придём, – сказала женщина и наперегонки с дочерью побежала за мячом.

Её муж жевал, сидя у самобранки. Поправил очки лоснящейся пятернёй:

– Говоришь, в футбол?

Он пошарил вокруг глазами, дотянулся толстой лапой до другого мяча, поменьше, наверное, для игры в водное поло.

– Футбол, говоришь?

Он бросил мяч, но не мне, а почему-то Сашке Ломовцеву.

Наш мастер ловко принял его на ногу и начал жонглировать. Я бы, конечно, опозорился, а Ломян на такие штуки горазд. Он долго держал мяч в воздухе – вокруг уже начали собираться зеваки, кто-то принялся считать вслух. Сашка поймал мяч руками и раскланялся. Зрители зааплодировали.

– Да ты, брат, талант, – сказал довольный толстяк.

Высокий мужчина со строгим худым лицом, пронизывающим взглядом зелёных глаз и тяжкой гривой пшеничных волос, заплетённых сзади в косичку, усмехнувшись, сказал:

– Так может каждый.

– И ты? – закряхтел толстяк. Сил ему хватало только на то, чтобы поворачиваться с боку на бок.

– И я, и вы, и этот мальчик…

– Мальчик, ты умеешь мячом жонглировать?

Я пожал плечами:

– Умею немножко, но не так…

Толстяк рассмеялся:

– Если б победы давались одним оптимизмом. Спорим на трёшку – он и минуты не продержит мяч в воздухе.

– У меня нет столько, – испугался я.

– Это заметно, – сказал мужчина с косичкой. – Но не важно. Я ставлю червонец за то, что этот паренёк в два счёта научится владеть мячом не хуже первого.

– Бред конечно, но хотелось бы попытку посмотреть, – зевнул толстяк.

– Нет ничего проще. Мальчик, хочешь научиться жонглировать мячом, как цирковой артист?

Я кивнул.

– Тогда успокойся, – сказал мужчина с косичкой. – Освободи свой разум от всех ненужных мыслей. Загляни в центр своего сознания и постарайся остаться там.

Следуя его указаниям, я расслабил мышцы спины и ног, повертел головой, пошевелил пальцами, сделал три глубоких вздоха и стал ждать.

– Готов?

– Готов.

– Жонглирование – это бесконечная серия отдельных повторяющихся движений. Закрой глаза. Отличная ориентация во времени и пространстве – основное условие. Думай о том, где ты находишься, определи своё место во вселенной.

Я представил себе Землю в виде глобуса, висящего в мировом пространстве. Повращал, узнавая очертания материков и океанов. Нашёл точку на земной поверхности и устремился к ней душой. Мир разом сузился до песчаного берега лесного озера.

– Представь, что вокруг тебя хрустальная посуда – мяч упадёт, и останутся только осколки. А теперь отбрось эту мысль напрочь, забудь её вместе со страхом уронить мяч. Ты его не уронишь – он будет скакать столько, сколько захочешь. Всё понял? А ну!

Мяч перелетел из рук мужчины с косичкой на мою ногу и запрыгал передо мной, как привязанный. Я не понимал, как это происходило, но жонглировал красивее Ломяна – меняя ноги: левой, правой, левой, правой – легко, непринуждённо.

Остановился, когда мне захлопали все зрители, и наши ребята тоже. Стоял беспомощный, чувствуя, как пылают мои щёки, и боялся одного – команды: «а ну-ка, повтори». Вряд ли смог бы. Я ведь даже не понимал, как это получилось.

– Гипнотический трюк, – предположил толстяк. – Или шарлатанство. Вы заранее сговорились разыграть публику, а пацана подсунули тренированного.

Тем не менее, он покряхтел, повозился в вещах и протянул гипнотизеру десять рублей.

– Гипноз? Ну, если только самую малость. Я просто помог парню избавиться от страха перед неудачей и сосредоточиться на задуманном.

Лицо его оставалось строгим, даже мрачноватым – «мефистофелевским», сказала бы наша «русачка».

– В каждом человеке кроится масса всевозможных талантов, но комплексы, увы, комплексы закрепощают душу мятущуюся и не дают их проявить.

– Мистика, – отмахнулся толстяк то ли от мухи, то ли от собеседника. – Вам бы с вашим талантом банки брать, а не детишек забавлять.

Их спор меня совсем не увлекал. Я стоял, прислушиваясь к самому себе, всё ещё не в состоянии понять, как это у меня получилось. Руки мелко дрожали, в ушах стоял гул далёкого прибоя. И всё. Последствия сошедшей благодати? Или вдохновения?

– Эй, Пеле, пошли, – окликнули меня – Уже пора.

А что? Может, и Пеле. Вот попрошу гипнотизёра, он меня заколдует – и айда лови, вынимай мячи из сетки. Надо только от комплексов избавиться.

Репродукторы по всему побережью объявили, что на стадионе пионерского лагеря начинается футбольный матч между спортсменами «Чайки» и сельской командой из Увелки. То, что мы из Увелки понятно, но почему сельская – тогда уж поселковая. Но было подчёркнуто диктором – именно, сельская.

И народ повалил – закрывали машины, сворачивали самобранки и спешили в «Чайку». Скамейки стадиона все заполнились.

Мы переодевались за воротами. Подошёл физрук.

– У вас нет что ли единой формы? Тогда играйте – голый торс. Хоть не по правилам, ну так, путать не будем.

Голышом так голышом, нашим легче – жара африканская.

Вовка успел побывать в соседнем лагере «Восход», где отдыхал самый маленький Грицай – Серёжка. Вести он принес неутешительные – наши соперники здорово играют, восходовцам по двадцать «банок» вколачивали, и никаких шансов.

Мы приуныли. Не зря народ валит – над деревней потешиться. Может сбежать? Да, поздно уже – сами ведь назвались. Да и обед надо отрабатывать. Играем!

Пионеры в красивой сиреневой форме уже разминались у противоположных ворот. Пора и нам на поле.

– Постойте, ребята, – подошёл человек с косичкой. – Вас уже раздели? И на трибунах веселятся, пророчат разгром. Попробую помочь. Ну-ка сели в круг. Закройте глаза и слушайте только меня. Ничего на свете нет, только вы, ваше сильное, неутомимое тело, которому будет послушен мяч. Напрягли всю волю, сжали в кулак. Замерли до остановки сердца. Всё, пошли. Кто голкипер?

С поля уже свистел судья-физрук. Все пошли к центральному кругу, так и не размявшись. Я задержался – было интересно, что он скажет старшему Калмыкову, стоявшему у нас на воротах. А он ничего не сказал – заставил закрыть глаза, и положил ладонь на Борькин лоб. Так они замерли на целую минуту.

Судья вторично просвистел, приглашая команды к построению.

Под дружное ликование трибун игра началась. Пионеры накатывались на нас лавина за лавиной, организуя атаки большими силами. Мы же наоборот, огрызались короткими и яростными контратаками. Здесь блистал индивидуальным мастерством Сашка Ломовцев, раз за разом взламывая защиту соперника и врываясь в их штрафную. И удары были хороши, вот результата пока не было.

Минут двадцать прошло, и болельщики засвистели, заулюлюкали, требуя от любимцев гола. А пионеры начали нас уважать – поставили к Ломану опеку, потом ещё одного игрока.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.